

Мовна свідомість – ментальність – мовна картина світу

УДК 811.161.1 (075.8)

Н. Ф. Алефиренко

*Белгородский государственный университет
(Российская Федерация)*

Ментальность как лингвокогнитивная категория

Алефиренко Н. Ф. Ментальність як лінгвокогнітивна категорія. Розглядаються лінгвокогнітивні механізми ментальності як сукупність типових уявлень об'єктивованих категоріями рідної мови. Своєрідного (свідомого чи підсвідомого) сприйняття зовнішнього і внутрішнього світу, специфічного вияву національного характеру, інтелектуальних, духовних та вольових рис певного культурно-мовного колективу. Етномовна свідомість презентує притаманний даному етносу інваріантний образ світу, що безпосередньо виражається у семантичному просторі мови.

Ключові слова: ментальність, менталітет, мовна свідомість, культура, концепт, конотація.

Алефиренко Н. Ф. Ментальность как лингвокогнитивная категория. Рассматриваются лингвокогнитивные основания ментальности – совокупности типичных проявлений в категориях родного языка, своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества. Этноязыковое сознание представляет присущий данному этносу инвариантный образ мира, который оказывается непосредственно объективированным в семантическом пространстве языка.

Ключевые слова: ментальность, менталитет, языковое сознание, культура, концепт, коннотация.

Alefirenko N.F. Mentality as lingvocognitive category. The lingvocognitive grounds of mentality are described in the article as totality of typical display in the native language categories, of peculiar (conscious and instinctive) perception of external and inner world, specific demonstration of national character, of intellectual, spiritual and willed qualities of one or another cultural linguistical society. Ethnolinguistic awareness is the appropriate for the ethnos invariant image of the world which appears to be directly objectified in the semantic language space.

Key words: mentality, linguistic awareness, culture, concept, connotation.

Ментальность как общефилософская категория сопряжена с такими когнитивно-культурологическими понятиями, как «познание», «духовность» и «менталитет», обоснованными в свое время А. А. Потебней [7]. *Познание* – процесс постижения закономерностей внешнего и внутреннего мира человека как феномен приобретения знаний. *Духовность* – свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. *Ментальность* формируется в познании мира; *менталитет* – по сути, сама наивная картина мира в целостной прагматичности народного сознания [ср.: 8:47]; *духовность* для русского народного характера наряду с разумной составляющей – это первосущность ментальности; *концепт* – ее основная единица, ее первосмысл, не обретший формы, не способный «прорасти словом» [4:19].

Ментальные признаки народного сознания объективируются в языке; и в этом плане востребованными оказываются категории языковой

семантики в их когнитивно-семиологическом понимании: значение и смысл, внутренняя форма номинативных единиц языка, средства вторичной и косвенно-производной номинации, культурные коннотации и т.п.

В современной лингвокультурологии понятие «ментальность» используется в двух смысловых ракурсах: во-первых, когда говорят об этнической или социальной обусловленности нашего сознания и, во-вторых, когда пытаются обосновать истоки духовного единства и целостности народа. В этих же смысловых рамках данное понятие может быть использовано и в когнитивной лингвокультурологии. Более того, для нее оно оказывается базовым, поскольку эту научную дисциплину в соотношении языка и культуры интересуют, прежде всего, способы языкового выражения этнического менталитета.

В когнитивной лингвокультурологии ментальность – это совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) воспри-

ятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества [9:27; 4:51]. Обратим внимание на структурированность, внутреннюю предрасположенность человека как члена определенной этноязыковой общности поступать тем или иным образом в соответствующих стереотипных обстоятельствах. В свою очередь, эпицентром ментальности (при таком ее понимании) выступают соответствующие этнокультурные константы, которые, как и архетипы, спонтанно всплывают в индивидуальном сознании. В этой связи особую значимость приобретает суждение о том, что в культуре нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности. Из данного определения следует, что ментальность гораздо шире понятия «культура» и глубже сознания, поскольку проявляется, как правило, на подсознательном уровне. В ее зачатку непостижимых глубинах зарождаются и развиваются культурные феномены, определяющие менталитет человека и народа.

Менталитет – своего рода стереотипная установка культурно-когнитивного «камертона» на восприятие наивной картины мира сквозь призму ценностной прагматики этнокультурного сознания. Поскольку и культура, и язык связаны с ментальностью народа, т.е. его мироощущением и мировосприятием, возникает необходимость осмыслить проблему соотношения культуры и языка с ментальными категориями. Прежде всего, предстоит выяснить, каков характер этого взаимодействия – репрезентативный или сущностный? Это вопросы далеко не праздные, хотя и не новые, на них пытались ответить издавна. Их понимание настолько многообразно, насколько различны определения самих базовых категорий – сознания, культуры и языка. В первую очередь, необходимо выяснить, как соотносится с ментальностью языковое сознание.

Попытаемся представить аргументы, позволяющие рассматривать языковое сознание как важнейшую составляющую ментальности. Исходным для нас служит утверждение А. Я. Гуревича, что язык является главным средством, цементирующим ментальность. Данное суждение многими воспринимается как аксиома. Однако все же возникает необходимость выяснить, благодаря каким механизмам язык выполняет столь сложную задачу? Для этого придется ответить, по крайней мере, на два вопроса: какова природа языкового сознания и отличаются ли структуры языкового сознания от когнитивных структур?

Наиболее убедительными для нас являются данные психолингвистики, согласно которым языковое сознание порождается вербализованными когнитивными структурами. Экспериментальной семантикой выявлено, что «никогда не устанавливается полного тождества между когнитивными единицами <...> и “знаемыми” языковыми значениями» (А. Г. Шмелев). Давно разделяя эту точку зрения уже с позиций когнитивной лингвокультурологии [1:103], все же считаем важным подчеркнуть, что в формировании и репрезентации того или иного этнокультурного пространства участвуют оба типа отражательных единиц: когнитивные смыслы и языковые значения. Более того, на заключительной стадии познания они принципиально предполагают друг друга. Дело в том, что общественное сознание на высшем этапе своего становления формируется и фиксируется главным образом при участии лингвокреативного мышления. Творческая интерпретация отдельных фрагментов и элементов концептуальной картины мира, осмысление их структурных взаимосвязей осуществляются на уровне языкового сознания, формирующего языковую картину мира. Именно вербализованный опыт, знания, культура, накопленные определенным этноязыковым сообществом, и создают ментальность – своеобразную форму овладения миром. И в этом плане нуждается в критическом осмыслении точка зрения Г. В. Колшанского [5], согласно которой, располагая понятиями «сознание» и «картина мира», нельзя говорить отдельно о языковом сознании, <...> отдельно о языковой картине мира. Споры нет: «язык не познает мир» (E. Coseriu). Но также справедливо и то, что в языке (1) получает «отражение все разнообразие творческой познавательной деятельности человека», (2) «находит свое выражение бесконечное разнообразие условий, в которых добывались человеком знания о мире – природные особенности народа, его общественный уклад, исторические судьбы, жизненная практика» – все то, что в преобразованном виде, приобретая символическую интерпретацию, отражает глубинные исторические корни ментальности. Так, русские идиомы *гадать на бобах* – ‘строить беспочвенные предположения’ и *бобы разводять* – ‘заниматься пустыми разговорами, медлить с делом, задерживаясь на пустяках’ возникли на почве еще дохристианского культурного концепта «судьба» (силу предсказания судьбы имело гадание с помощью бобов, расположение которых на расстеленном платке выражало определенный смысл). Значение второй идиомы обусловлено коммуникативно-прагматическим контекстом: гадание

обычно занимало много времени, сопровождалось неторопливым рассказом.

Как видим, языковое сознание выступает (а) как средство формирования, хранения и переработки языковых знаний (языковых знаков вместе с их значениями, правилами синтактики и прагматическими установками), (б) как механизм управления речевой деятельностью. В этом смысле языковое сознание является условием существования всех других форм сознания. По данным психологии, оно выполняет несколько функций когнитивного характера: отражательную (она конституирует языковую картину мира системой языковых значений), оценочную, селективную (отбор языковых средств в соответствии с коммуникативными намерениями общающихся), интерпретационную (интерпретация языковых, а не внеязыковых явлений). «Языковое значение, – пишет А. Вежбицкая, – это интерпретация мира человеком, и никакие операции над “сущностями реального мира” не приближают к пониманию того, как устроено это значение» [2:6].

В результате такой интерпретации происходит трансформация элементов концептуального сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, воплощаются в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры *идеальные артефакты* – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества. Как средства интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определенного этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания, они являются базовыми концептами ментальности.

Социально значимая активность лингвокультурологических единиц (словесных образов, языковых знаков и символов) обуславливается, прежде всего, их репрезентативно-прагматической сущностью, ориентированной на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций в зависимости от речевых интенций коммуникантов. Система порождаемых смыслов является содержательной основой языкового сознания. Реальная практическая деятельность человека, отражаясь в сознании и закрепляясь в языке,

преобразуется во внутреннюю отраженную модель мира. «Ядро языкового сознания формируется из тех слов (идей, понятий, концептов) в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей» [3:194]. Слова-концепты, образующие ядро языкового сознания представляют собой духовные универсалии, их лингвокультурная специфика скрыта от внешнего восприятия. И все же она имеется, хотя и открывается нашему сознанию только в результате специального семантического анализа. Поэтому (наряду с другими) эти слова-концепты отображают «сквозные мотивы русской языковой картины мира», представляют основные вехи психической жизни, включающей интеллектуальную и эмоциональную сферы. Первую символизирует слово-концепт «голова», а вторую – «сердце» (А. Д. Шмелев). И действительно, даже на подсознательном уровне в одном случае «всплывают» слова и фразеологизированные выражения *светлая голова, с головой, башковитый*, а во втором – *с сердцем, сердечно поздравляю, сердцем чувствую, без сердца, нет сердца, бессердечный*. С ними в близких семантических связях и отношениях находятся слова-концепты с аксиологически положительной семантикой: «душа» (*на душе, душа в душу, излить душу, отвести душу, открывать душу, душа нараспаику, разговаривать по душам*); «широта» (*широта <русской> души, широта взглядов*; ср. родственные слова-концепты *размах, простор, дали, приволье, раздолье*); «удаль» (ср. *у-даль, удаль -удача <удаться>*; *удаль молодецкая, удалой молодец*); «судьба» (*судьба решается, так судьба распорядилась, не судьба, такая уж судьба*). Особое место в этом ряду занимает концепт «счастье». В русском менталитете счастье ассоциируется с везением: *счастливый случай, счастливая карта, счастливый день*. Традиционно считалось, что счастье не зависит от личных усилий и услуг человека: *Счастье придет, и на печи найдет; Дуракам – счастье; Не родись красивым, а родись счастливым*. В русском традиционном сознании счастье сродни ситуации *на авось* – ‘действовать наугад, наобум’. В рассказе Аверченко «Шпаргалка» читаем: «А счастье, русское знаменитое «авось» – вещи слишком гадательные, и не всегда они вывозят». Аксиологическая характеристика слова-концепта «счастье» не только не однозначна, но нередко и энантиосемична. Ср.: *Всяк своего счастья кузнец; Счастье у каждого под мозолями лежит* и *Счастье, что палка: о двух концах; Счастье без ума – дырявая сума; Счастье что волк: обманет да в лес уйдет*. Кроме паремий, в состав которых входит слово сча-

стьє, концепт «счастье» вербализуется и средствами косвенно-производной номинации: *на седьмом небе* – «(быть) безгранично счастливым», *на верху блаженства* – «чувствовать себя невероятно счастливым», *родиться в сорочке (рубашке)*, *родиться под счастливой звездой* – «быть счастливым и удачливым во всем», *точно заново (на свет) родился* – «о состоянии счастья».

Анализ показывает, что наше подсознание обращено, прежде всего, к прецедентным словам и выражениям. И в этом плане следует согласиться с Ю. А. Сорокиным в том, что прецедент – знак ментальности. Под понятием прецедента, введенного в лингвистику Ю. Н. Карауловым, понимаются речевые образования: «1) значимые для данной личности в познавательном и эмоциональном отношении, 2) имеющие сверхличностный характер <...>, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3:216].

Каждый из прецедентов обладает яркой аксиологичностью. Они являются носителями социально санкционированных оценок со знаком «плюс» или со знаком «минус». Большинство из них – обладатели негативной оценочности. Дело в том, что вторичные знаки порождаются наиболее яркими и запоминающимися признаками. А таковыми чаще оказываются негативные впечатления: *где раки зимуют* – «о выражении угрозы», *курам на смех* – «сделать что-либо не так», *разводить бодягу* – «заниматься болтовней, пустым делом». Положительное воспринимается как норма и поэтому не так сильно будоражит наше воображение.

Как видим, основным средством выражения ментальности служит коннотативная семантика, объективирующая такие когнитивные образования, как обыденно-понятийные, образные и даже мифические структуры, составляющие базовые смысловые пласты культурного концепта. Поскольку в когнитивной лингвистике продолжаются дискуссии о сущности концепта, укажем, в каком значении употребляется этот термин в нашей работе. В наиболее обобщенном виде это – оперативная единица «памяти культуры», квант знания, сложное и вместе с тем жестко неструктурированное смысловое образование. Его содержание включает результаты любого вида умственной деятельности: не только абстрактные или интеллектуальные когнитивные структуры, но и непосредственные сенсорные, моторные, эмоциональные переживания во временной ретроспективе [ср.: 10:26]. Концепт обладает главным качеством для выражения ментальности народа: способностью концентрировать в себе результаты дискурсивного мыш-

ления в их образно-оценочном и ценностно-ориентированном представлении. В этом, пожалуй, главная специфическая черта концепта. Как зародыш, зернышко первосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности [4:51], концепт представляет культурно маркированное мировосприятие.

Для обсуждения проблемы языкового воплощения ментальности того или иного народа целесообразно различать общекультурные концепты (*мир, свобода, жизнь, любовь, смерть, вечность*), отражающие общечеловеческие ценности сквозь призму этноязыкового сознания, и этнокультурные концепты (*дача* – у русских, *фазенда* – у латиноамериканцев, *заграда, хата* или *халуца* – у чехов, *letnisko, willa* – у поляков и др.). С другой стороны, общекультурные концепты также содержат (скрытые) этнокультурные смыслы. Как и в других этнокультурах, русская ментальность сформировала «свое» представление о мире, выраженное в прецедентных именах и текстах (у старшего поколения – *«лишь бы не было войны»*), свободе (*«жить свободно, как птица»*), жизни (*«жизнь дается один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»*), любви (*«любовь зла – полюбишь и козла»* и *«любовь не картошка: в горшке не сварить»*), смерти и вечности (*«уйти в мир иной – лучший, более справедливый, более спокойный»*).

Закрепленные в русском языковом сознании концепты как феномены культуры неоднородны. Одни из них образуют ядро *этнокультурного пространства*, другие – его периферию. Ядро этноязыкового сознания составляют феномены, которыми обладают все члены лингвокультурного сообщества. Те же представления, которые являются достоянием только отдельного человека или небольшого круга людей, образуют периферию лингвокультурного пространства. Периферия этнокультурного пространства способна порождать новые смыслы, которые приращиваются, как правило, в процессе реализации так называемой векторной валентности, направленной от одной когнитивной единицы к другой. Векторы смысловой валентности весьма динамично и оперативно формируют инновационные микрополя современного русского менталитета (*рынок – хищный, воровской, грабительский; приватизация – прихватизация; новый русский – ловкач, стяжатель, толстосум, сколотивший состояние сомнительным способом* и др.). Представленное здесь своеобразие русского менталитета (сознательное и бессознательное, эксплицитное и имплицитное) кодифицировано

в семиотических границах русской этнокультуры, а сама ментальность в таком понимании предстает в качестве своего рода «познавательного кода». Употребление генетического термина «код» здесь не случайно. Он подчеркивает главное: ментальность – продукт наследования этнокультурной информации [см.: 1:285].

Познавательный, генетический коды науке хорошо известны. Однако что такое *код культуры*? Ответ на этот непростой вопрос ищут и философы, и психологи, и культурологи. Код культуры – это своего рода «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его (Е. В. Шелестюк). Можно найти достаточно явные соответствия между кодами культуры и древнейшими архетипическими представлениями человека. И это неудивительно, так как эти представления они, собственно говоря, и «кодируют».

Если продолжить аналогию с «сеткой», то можно сказать, что коды культуры «образуют» некую матрицу или систему координат, с помощью которой задаются и затем сохраняются в нашем сознании эталоны (образцы) культуры. Сами по себе коды культуры – категории универсальные, т.е. они присущи любому человеку. Но это не значит, что они одинаково проецируют культуру на язык. Ведь и их проявление, удельный вес каждого из них в определенной культуре, образы языка, в которых эти категории воплощаются, всегда этнически, культурно и лингвально обусловлены.

Культура, как известно, располагает достаточно большим набором познавательных кодов. Но базовым кодом, ядром семиотической системы любой национальной культуры служит, без сомнения, этнический язык, поскольку он – не просто средство описания культуры, а, прежде всего, знаковая quintessence самой культуры. Код – это принцип организации материального (субстратного) носителя информации (Д. И. Дубровский), открыто-замкнутая система означивания, в которой элементы, знаки получают свою значимость (value) через парадигматические и синтагматические соотношения с другими знаками (Б. А. Парахонский), символический порядок образования и организации значений, порождаемый базисными моделями культуры.

Из этого следует, что код не просто разновидность языка, как, например, диалект, он стоит как бы над лингвистической системой; код выступает типом социальной стилистики или символическим механизмом формирования значений. Для выражения ментальности народа код особо значим, поскольку кодирование, опираясь на знаки, не ограничивается процессом передачи сообщений. Это процесс, который, представляя глубинные механизмы познания, образует каркас всего процесса семантизации действительности, продуктом которой выступают ценностно-смысловые отношения, сложившиеся в той или иной культуре. Такие смысловые отношения фокусируют в себе синергетическое взаимодействие языка, сознания и культуры. Поэтому нельзя не согласиться с Б. А. Парахонским в том, что «изучение механизмов кодирования реальности проливает свет на скрытые глубинные процессы жизни культуры, устанавливая конечные параметры ее организации» [6:72].

Культура формируется и существует благодаря лингвокреативному мышлению, «привязанному» к определенному месту, времени, событию и опыту в целом. Поэтому язык культуры – это ее «приводящий ремень», «пятый элемент», стихия, естественная среда ее обитания, способ символической организации. Мир языковых значений с его структурой ценностно-смысловых отношений оказывается культурной формой существования культурного знания и способом его функционирования в духовно-практической деятельности народа [6:64].

Сознание как вербализованная форма социального опыта выступает, таким образом, когнитивной базой культуры, ее смыслообразующим средством. В связи с этим особым содержанием наполняется суждение, высказанное А. А. Пилипенко и И. Г. Яковенко: смысловое пространство культуры и человеческого сознания задается границами выразительных возможностей ее знаковых систем, прежде всего лингвосомиотической. А определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, принадлежащих в той или иной степени всем членам этноязыкового сообщества, служит когнитивной базой ментальности народа.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко — М. : Флинта : Наука, 2009. — 344 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежицкая. — М. : Рус. словари, 1996. — 416 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1987. — 372 с.

4. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. — 317 с.
5. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. — М. : Наука, 1990. — 284 с.
6. Парахонский Б. А. Стиль мышления : Философские аспекты анализа стиля в сфере языка, культуры и познания / Б. А. Парахонский. — Киев : Наук. думка, 1982. — 306 с.
7. Потеня А. А. Собрание трудов. Мысль и язык / А. А. Потеня. — М. : Лабиринт, 1999. — 276 с.
8. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие / Т. Б. Радбиль. — М. : Наука : Флинта, 2010. — 328 с.
9. Kintsch W. Memory and cognition / W. Kintsch. — N. Y. (etc.), 1977. — 362 p.
10. Langacker R. W. The conceptual basis of cognitive semantics / R. W. Langacker // Language and conceptualization / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. — Cambridge, 1997. — P. 3—37.

© Н. Ф. Алефиренко, 2010